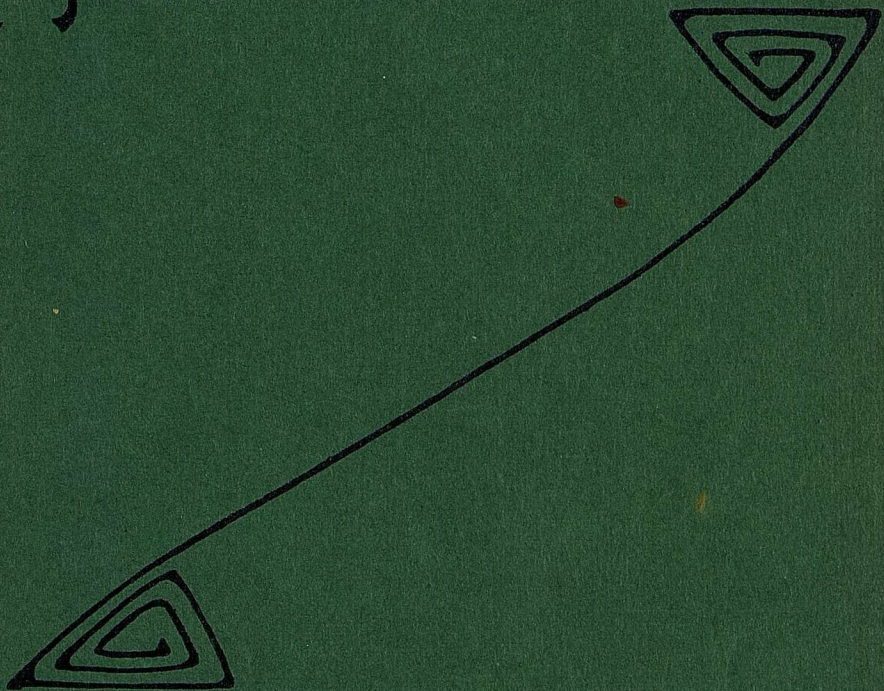

ДѢТСКИЙ МІРЪ

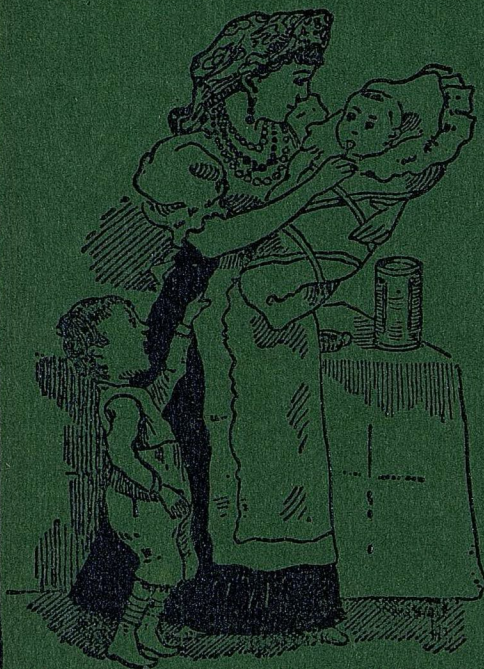
№ 9.

15 Мая
1907 г.

ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ ПИЩА

ФАБРИКИ ТОВАРИЩЕСТВА

„Р. КЁЛЕРЪ и К° въ Москвѣ“

не есть подражаніе общеизвѣстнымъ питательнымъ препаратамъ для дѣтей, какъ молочная мука Нестле, мука Neaves'a, Mellin's food и т. п., а представляетъ собой по новымъ научнымъ даннымъ составленный препаратъ, который былъ испытанъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, одобренъ и тамъ теперь введенъ въ употребленіе. Клиническія наблюденія, произведенныя весной и лѣтомъ сего года надъ „Дѣтской молочной пищей“, по свидѣтельству Главнаго Доктора Моск. Воспитательнаго Дома, Д-ра А. Н. Устинова, показали, что

„она легко переваривается и усваивается дѣтьми какъ старшаго, такъ и младшаго возраста, и въ особенности полезна для страдающихъ желудочно-кишечными расстройствами, такъ какъ при правильномъ употребленіи этой пищи, при строгомъ соблюденіи 4-хъ часовыхъ промежутковъ кормленія, отправления кишечника регулируются, у ребенка является спокойный сонъ, онъ кричитъ и быстро прибываетъ въ вѣсъ.“

Одно изъ преимуществъ „Кёлеровской дѣтской молочной пищи“ заключается еще въ томъ, что она уже сама содержитъ молоко въ достаточномъ количествѣ въ сухомъ видѣ и поэтому при пользованіи ею нѣтъ надобности прибавлять ее къ молоку, которое не всегда можно имѣть одинаково доброкачественное и отъ здоровой коровы.“ Столь-же благоприятные отзывы объ „Дѣтской молочной пищѣ“ даны Профессоромъ Военно-Медицинской Академіи Н. П. Гундобиннымъ, Главнымъ Докторомъ Николаевской Дѣтской больницы въ С.-Петербургѣ Н. К. Вязлинымъ и другими врачами, производившими надъ этой молочной пищей наблюденія.

Рамки газетнаго объявленія не позволяютъ излагать какъ научныя основанія, на которыхъ выработанъ этотъ препаратъ, такъ и химическій его составъ, а равно приводить подробныя удостовѣренія испытанныхъ его врачей-специалистовъ. Все это имѣется въ подробномъ описаніи, составленномъ заведующимъ отдѣленіемъ питательныхъ веществъ фабрики Товарищества „Р. Кёлеръ и К° въ Москвѣ“, изобрѣтателемъ этого препарата, докторомъ химіи К. Пале. Описаніе это раздается во всехъ магазинахъ Т-ва безплатно.

Цѣна за фунтовую жестянку 1 руб. 20 коп.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 9.

Не дсе ко́ту маслянца,
Приде́тъ и вели́кій посе́тъ!

Э. М. В. 1907

15 Мая
1907 г.

Изъ картинъ дѣтства.

Бываютъ дни, часы, мгновенья,
Когда среди веселыхъ думъ,
Горячей рѣчи, увлеченья,
Вдругъ станешь грустенъ и угрюмъ.
— И вдругъ былого очертанья
Не-вѣсть откуда набѣгутъ,
И вмѣстѣ съ долею страданья
Частицу радости несутъ.
Давно забытыя картины
Мелькаютъ пестрой чередой,
Сливая тяжкій вздохъ кручины
Съ наивной дѣтскою слезой.
Люблю я странные порывы
На мигъ очищенной души,
И дѣтства свѣтлые призывы
Мнѣ и милы и хороши...
. . . Вотъ мнѣ лѣтъ семь.
Съ пескомъ прибрежнымъ
У тихо плещущей рѣки
Играю я... И нѣтъ тоски
Съ томленьемъ нынѣшнимъ мятежнымъ
Мечтою вдаль я уношусь;
Она гадаетъ мнѣ утѣхи,—
И я, конечно, безъ помѣхи
Блаженствомъ полнымъ наслажусь.
Здѣсь мѣста не было тоскѣ,—
И съ зыбью тихаго залива
Шалилъ я радостно—игриво,
Расположася на пескѣ.
И,—какъ бы вторя моему
Восторгу дѣтскому,—природа
Глядѣла радостно. Погода

Была прекрасна. Ко всему—
То было утро. Мягкимъ свѣтомъ
Ласкали южные лучи;
Ихъ теплота полна привѣтомъ,
Ихъ ласки нѣжно горячи.
Передо мной рѣки широкой
Сливалась съ небомъ полоса;
Кой-гдѣ бѣлѣли паруса;
А изъ-за рощи недалеко,
Сквозя межъ зеленью густой,
Сіяетъ ярко-золотой
Крестъ ближней церкви одинокой,—
И—далека отъ грозъ и бурь—
Надъ всѣмъ раскинулась лазурь...
Въ душѣ, нетронутой сомнѣньемъ
И жгучимъ ядомъ жизни битвъ,
Съ покорнымъ, радостнымъ смиреньемъ
Слова слагаются молитвъ.
И сердцу чужкому понятны
И плескъ рѣки и лѣса шумъ,
И грустный смыслъ народныхъ „думъ“, *)
Какъ степь,—свободный, необъятный...
И я задумчиво молчу—
Одинъ въ широкомъ, чистомъ полѣ,—
Душою-жъ дѣтскою лечу
На помощь ближняго недолѣ:
„Ужо, какъ вырасту большой,
Всѣмъ дамъ и счастье и покой“...

Петровъ-Леонидовъ.

*) Малороссійскія и казацкія пѣсни называются „думами“.

Бѣгство Тали.

Съ тѣхъ поръ какъ въ „голубятнѣ“—какъ папа называлъ комнаты Дуси—поселилась голубоглазая Таля, въ жизни Дуси все какъ-то перемѣнилось. Ей больше никогда не бывало скучно, съ тѣхъ поръ какъ она была не одна. То есть, она и раньше не была одна—но старенькая няня, или старая гувернантка М-ме Файо, или занятая своимъ дѣломъ горничная Феня—не были для Дуси тѣмъ, чѣмъ стала ея „новая сестричка“—Таля. Теперь было съ кѣмъ играть, гулять, разговаривать, думать вмѣстѣ, читать—и все казалось совсѣмъ новымъ и занимательнымъ. Тѣмъ болѣе, что Таля такъ много знала, выдумывала такія интересныя игры, рассказывала такъ хорошо... Дѣвочки никакъ не могли наговориться. Приходилось вѣдь имъ рассказать другъ другу свою жизнь за десять почти лѣтъ... Дусѣ меньше нужно было говорить: жизнь ея шла такъ ровно до сихъ поръ, день за днемъ почти одинаково. Не то—у Тали. Жизнь съ мамой, въ деревнѣ, гдѣ мама была учительницей, потомъ смерть мамочки, переѣздъ въ городъ, ужасные мѣсяцы у тетки—все это заключало въ себѣ много и радостныхъ, и тяжелыхъ воспоминаній, и Дуся съ волненіемъ и участіемъ слушала рассказы подруги.

Когда Таля говорила о томъ, какъ тяжело жилось ей у тетки, какъ та наказывала ее безъ всякаго повода, морила голодомъ и била—Дуся только сжимала кулачки и сверкала глазами отъ негодованія, а потомъ крѣпко обнимала Талю и восклицала:

— Ну, ужъ теперь я никому тебя не дамъ обижать! Ты вѣдь моя сестричка—такъ и папа сказалъ!

Дѣвочки дѣйствительно полюбили другъ друга, какъ сестры. Да и всѣ въ домѣ полюбили кроткую, милую Талю съ ея нѣжными синими глазками и задумчивой улыбкой. Есть такія лица, что сразу привлекаютъ какимъ-то выраженіемъ удивительной душевной чистоты и доброты, свѣтящимся во взглядѣ и улыбкѣ: у Тали было именно такое личико. Самъ Николай Петровичъ, отецъ Дуси, всегда ласково смотрѣлъ на Талю и часто гладилъ ее по бѣлокурой головкѣ.

Онъ невольно сравнивалъ жизнь своей Дуси съ существованіемъ этого ребенка. Сиротки обѣ,—но въ то время какъ у Дуси оставался онъ, и былъ заботливый уходъ за нею, и баловство, и ис-

полненіе малѣйшаго ея желанія—Талѣ успѣла узнать и нужду, и голодъ, и работу—работала непосильно, какъ взрослая и все-же сохранила доброту и нѣжность, и способность радоваться всякому пустяку...

Ему хотѣлось, чтобы сироткѣ было хорошо, и онъ особенно серьезно внушилъ всѣмъ въ домѣ, что никогда не должно быть отношенія къ Талѣ, какъ къ „взятой изъ милости“, и никакой разницы между уходомъ за ней и Дусей. Но и М-ме Файо, и няня, и Феня—были женщины добрыя и чуткія, и ихъ просить объ этомъ не пришлось: Талю сразу поставили въ домѣ, какъ родную—и только она звала Николая Петровича не папой, а дядей Никомъ.

Сначала Талѣ прямо казалось, что она живетъ въ сказочномъ мірѣ: она не привыкла къ свѣтлымъ, красивымъ комнатамъ, къ вкуснымъ завтракамъ и обѣдамъ, къ сну въ уютной, бѣлой постелькѣ,—къ тому, что не надо ночью вскакивать укачивать ребенка, подниматься на разсвѣтѣ топить печи и ставить самовары, а главное къ тому, чтобы никто не толкалъ, не билъ и не называлъ „дармоѣдкой, лѣнтяйкой“ и т. п. Мало по малу она начала привыкать къ новой жизни, но все еще часто просыпалась по ночамъ съ бьющимся сердцемъ: ей казалось, что все это ей приснилось и что она сейчасъ увидитъ знакомую кухню у тетки и услышитъ грубый голосъ:

— Эй ты, лежебока! Не слышишь — маленькій плачетъ? Но вмѣсто этого, при свѣтѣ красной лампадки, кидающей мягкія, трепещущія тѣни на тихую комнату — она видѣла сосѣднюю бѣлую кроватку, и темнокудрую головку Дуси на подушкѣ—и глубоко вздохнувъ отъ радости, опять сладко засыпала.

Вскорѣ М-ме Файо позвала швею, Марью Ивановну, и въ „голубятнѣ“ застучала машинка: надо было Талѣ сшить бѣлье и платье. Дусѣ ластилась къ М-ме Файо до тѣхъ поръ, пока та не общалась ей сшить для Тали все одинаковое съ ней, и это было для Тали радостнымъ сюрпризомъ.

Когда она въ первый разъ надѣла такое-же платьице какъ Дусѣ—темно-синее, съ бѣлымъ большимъ кружевнымъ воротникомъ и кожанымъ желтымъ кушакомъ — Дусѣ прямо запрыгала отъ восторга:

— Ну вотъ, теперь мы совсѣмъ ужъ сестрички!.. восклицала она. Потомъ присмирѣла, подняла на Талю свои большіе темные глаза и сказала:—„Помнишь я тебѣ говорила что у меня была настоящая сестричка.. Я вѣдь должна была-бы ее любить, правда? А

она ушла на небо... Любовь-то у меня и осталась. Ну такъ вотъ, я тебѣ ее и отдамъ! Понимаешь?”

И онѣ крѣпко прижались другъ къ другу и смирно сидѣли, задумавшись обѣ, на любимомъ голубомъ диванчикѣ, „Какъ двѣ птички на одной вѣткѣ!..“ Сказала М-ме Файо, проходя мимо.

Дѣвочки жили душа въ душу. Конечно не обходилось иногда и безъ маленькихъ ссоръ: вдругъ Дуся обидится, что Таля хочетъ читать, а не играть съ куклой Белиндой (которая замѣчательно поумнѣла съ тѣхъ поръ, какъ Таля занялась ею!); то обидится Таля, что Дуся раскрасила пастушку въ книжкѣ не такъ, какъ Талѣ хотѣлось—сдѣлала ей не розовое съ зеленымъ платье, а голубое съ желтымъ! Или обѣ захотятъ непременно надѣть одну и ту-же ленточку въ косу, и разойдутся важно по своимъ угламъ; но не пройдетъ и минуты обѣимъ станетъ стыдно, и онѣ отправятся „мириться“: встрѣтятся на полдорогѣ, разсмѣются, обнимутся—и все забыто, и послѣ легкой бури солнце свѣтитъ еще ярче!

* * *

Послѣ Пасхи, какъ только наступила теплая погода, Николай Петровичъ отвезъ своихъ на дачу.

У нихъ была дача въ Финляндіи. Приходилось ѣхать 1½ часа по желѣзной дорогѣ, потомъ около получаса лошадыми, лѣсомъ, до тихаго озера на берегу котораго, на пригоркѣ, и стояла бѣлая дача.

Принято считать природу Финляндіи угрюмой и мрачной, но такъ думаютъ только тѣ, кто ее хорошо не знаетъ. Это какъ иногда бываетъ съ людьми: иной человѣкъ на взглядъ суровъ и сдержанъ, и его считают холоднымъ, но узнайте его поближе и вы найдете въ его сердцѣ сокровища любви и ласки, глубокія и вѣчныя чувства. Долго живя въ Финляндіи, узнаешь какъ она умѣетъ быть ласкова и нѣжна, какія упоительныя краски бываютъ на ея небѣ въ часъ заката, какъ мягокъ коверъ мха и лиловаго вереска въ ея молчаливомъ лѣсу, какъ чудесно пахнетъ смолистая сосна подъ лучами солнца, какъ много черники для веселыхъ дѣтскихъ ротиковъ въ тѣни густого папоротника; какъ тонко и сладко пахнутъ ночныя фіалки, точно бѣлыя свѣчки таящіяся въ чашѣ... И какъ красиво широкое, ясное озеро, то голубое, какъ бирюза, то розовое какъ кораллъ, то серебряное—съ тихимъ шелестомъ камышей и глядящимися въ воду обрывистыми, лѣсистыми берегами!...

На берегу такого озера стояла бѣлая дача, показавшаяся Талѣ дворцомъ. Легкая, со стройной башенкой, на которой развивался флагъ и множествомъ балконовъ и балкончиковъ, дача была окружена паркомъ. Передъ главной террасой разбитъ былъ цвѣтникъ, и въ самомъ паркѣ тутъ и тамъ посажены были цвѣты; ручеекъ весь засаженъ былъ незабудками, у колодца росли желтые ирисы съ похожими на большихъ мотыльковъ цвѣтами,—и все время въ паркѣ что нибудь цвѣло: кончалась сирень — зацвѣтали жасмины, послѣ жасминовъ—піоны, а тамъ—розы... И во всѣхъ комнатахъ въ большихъ глиняныхъ вазахъ стояли цѣлые вороха цвѣтовъ.

Въ саду были качели, гимнастика, гигантскіе шаги, площадка для крокета.... Одно изъ любимыхъ мѣстечекъ Дуси и Тали была пышная сиреневая бесѣдка, въ которой стояли финляндскія качели—это два кресла, подвѣшенные одно противъ другого на той-же самой перекладинѣ, каждое изъ нихъ раскачивается если подтолкнуться ногой объ деревянную подставку, стоящую на землѣ. Въ этихъ креслахъ, набѣгавшись и наигравшись съ Бойкой, и его пріятелемъ—огромнымъ псомъ Каро, принадлежавшимъ садовнику и всю зиму ожидавшимъ Бойку съ нетерпѣніемъ—онѣ усаживались другъ противъ друга, и покачивались подолгу, со своими книжками, куклами или работой. Въ 4 часа имъ туда-же Феня приносила установленный М-ме Файо по французскому обычаю „gouter“ *) чай, молоко, ягоды, булочки съ масломъ и т. п. прелести, которымъ дѣвочки отдавали честь.

У нихъ былъ шарабанъ и пони, и дядя Сережа часто каталъ ихъ въ немъ.

Дядя Сережа — былъ папинъ двоюродный братъ, молодой студентъ, который лѣтомъ всегда жилъ съ ними на дачѣ, т. к. папа часто уѣзжалъ, пріѣзжалъ на дачу только по праздникамъ, и то не всегда—и боялся оставить ихъ безъ мужчины въ домѣ.

Дядя Сережа часъ въ день занимался съ дѣвочками—русскимъ языкомъ, ариеметикой и т. п., иногда возилъ ихъ на станцію въ шарабанѣ, — но большую часть времени пропадалъ у сосѣдей, за версту отъ „Бѣлой дачи“. Тамъ было много молодежи; иногда сосѣди являлись къ нимъ. Самой младшей изъ барышень былъ 15-й годъ, и она казалась дѣвочкамъ уже совсѣмъ взрослой; но когда

*) Полдникъ.

вся компанія приходила на „Бѣлую дачу“, въ домѣ поднималось веселье. Играли въ крокетъ, въ горѣлки, отправлялись кататься на лодкахъ, переѣзжали на другой берегъ и тамъ дѣлали костры, варили уху, пекли картошку, ставили самоваръ, и дѣвочки не помнили себя отъ восторга.

Бывали дождливые, прохладные дни. Но и въ такіе дни дѣвочкамъ не бывало скучно.

У нихъ на верху была большая, крытая, стеклянная веранда, гдѣ было очень свѣтло и откуда открывался чудный видъ на широкое озеро, на берегъ и лѣсъ.

Тамъ стоялъ большой столъ, на которомъ онѣ писали, рисовали, за которымъ занимались и т. д. Но всего интереснѣе былъ тутъ ихъ любимый шкафчикъ и въ этомъ шкафчикѣ жило семейство „господъ Дусиныхъ“.

Шкафчикъ былъ низенькій — не выше роста дѣвочекъ — и въ немъ было три полки, и такимъ образомъ — четыре этажа.

Долго возились съ нимъ дѣвочки, и зимой и лѣтомъ, пока не привели его въ полный порядокъ.

Четыре отдѣленія шкафчика представляли 4 комнаты и кухню. Внизу была кухня; на первой полкѣ — столовая; на второй — гостинная, а на третьей, передѣленной пополамъ, спальня и дѣтская. Въ комнатахъ стѣны были оклеены обоями — т. е. цвѣтной съ узорами прехорошенькой бумагой, которую дѣвочки долго выбирали въ писчебумажномъ магазинѣ. Въ столовой — была бумага коричневая въ полоску, въ гостинной — темно-красная съ золотыми звѣздочками, въ спальней — розовая цвѣточками, а въ дѣтской — голубая. Окна въ комнатахъ изображались такъ: вырѣзался четыре-угольный кусокъ гладкой голубой бумаги, вдвое длиннѣе чѣмъ въ ширину; на него наклеивались переплеты изъ полосокъ бѣлой бумаги — въ видѣ рамъ — и подклеивался бѣлый подоконникъ изъ картона, на который ставились рельефныя картинки представлявшія вазоны съ цвѣтами. Все это прибавалось кнопками къ стѣнѣ. Надъ каждымъ окномъ приклеивалась полоска золотого багета и изъ подъ нея спускались по обѣимъ сторонамъ окна кусочки кружевъ — какъ тюлевые занавѣски. Выходило совершенно какъ настоящія окна.

Полы были устланы роскошными коврами — это М-ме Файо купила остатковъ пестрой бумазеи, очень похожей на персидскіе ковры у папы въ кабинетѣ!

Всюду была разставлена маленькая кукольная мебель, столики, кровати, все что нужно. Если чего не хватало—дѣвочки дѣлали собственными средствами. Таля все умѣла. Недаромъ привыкла сама мастерить себѣ игрушки. Напримѣръ, она въ гостиной устроила великолѣпный турецкій диванъ. Взяла маленькую коробочку изъ подъ конфетъ, положила на крышкѣ ваты, потомъ обтянула турецкой бумазеей. А изъ кусочковъ бархата сшила три подушки и два круглыхъ валика, и вышелъ совсѣмъ папинъ диванъ. Также она сдѣлала туалетикъ въ спальню—коробочку обтянула розовымъ коленкоромъ а сверху кисеей, и поставила маленькое зеркальце на нее. Все было на лицо: въ столовой—крохотная посуда, въ кухнѣ—плита, полки, горшочки, даже вязанка дровъ—попросту связочка сухихъ прутьевъ.

Но занимательнѣе всего были сами „господа Дусины“. Это были не настоящія куклы, а бумажные. М-те Файо покупала дѣвочкамъ цѣлыя листы съ вырѣзными куклами, на которыхъ надѣвались разные платья.

Вырѣзали и склеивали своихъ куколъ дѣвочки очень тщательно, и любили ихъ ужасно. Не всѣ куклы вступали въ „семейство господъ Дусиныхъ“, а только самыя любимыя. Среди нихъ были папа, мама, дѣти, няня и кухарка.

Дѣвочки недавно прочли „la chaîne des marguerites“ *) извѣстной англійской писательницы Миссъ Уонгъ, и играли что изображенная тамъ семья и есть семья господъ Дусиныхъ, только до той грустной минуты когда умерла мама „Маргаритокъ“.

— Не надо, чтобы умирала мама! рѣшили онѣ.—Пусть они всѣ будутъ счастливы!

И вотъ семейство Дусиныхъ жило своей собственной пріятной жизнью. Елки, вечера, уроки, болѣзни, выздоровленія, отъѣзды, встрѣчи—все это смѣнялось какъ въ настоящей жизни. Съ теченіемъ времени къ семейству „Дусиныхъ“ присоединилось „семейство Талиныхъ“. Хотя оно жило пока, за недостаткомъ помѣщенія, въ письменномъ столѣ, но часто ѣздило въ гости къ Дусинымъ.

Эта игра такъ занимала дѣвочекъ, что онѣ даже не были недовольны когда дождь засаживалъ ихъ въ комнаты.

Была у нихъ еще одна любимая игра—въ „сны“. Ее тоже вы-

*) Цѣль маргаритокъ.

думала мечтательная Таля, а Дуся сразу увлеклась этой игрой. Почему-то въ нее было пріятнѣе играть по вечерамъ, при спущенныхъ шторахъ. Игра заключалась въ томъ, что свѣтъ чѣмъ нибудь загораживался, такъ что становилось почти совсѣмъ темно. Дѣвочки желали „спокойной ночи“ М-ме Файо, или нянѣ—кто былъ въ комнатѣ—затѣмъ прошались другъ съ другомъ и укладывались спать. Это продѣлывалось съ страшно серьезнымъ видомъ, „какъ въ самомъ дѣлѣ“—въ этомъ было первое правило игры. Нѣсколько минутъ надо было лежать тихо и дѣлать видъ, что крѣпко спишь. Потомъ потихоньку обѣ вставали, наряжались во что-нибудь, и начинался „сонъ“. Тутъ ужъ Дуся была не Дуся, а какая нибудь принцесса изъ сказки; а Таля была сначала разбойникъ, похищавшій ее, а потомъ принцъ, освобождавшій отъ дракона, и т. п. Окружающее совершенно забывалось. Дремлющая въ углу надъ чулкомъ нянька была старой волшебницей, или матушкой четырехъ вѣтровъ, указывавшей путь въ солнцевъ дворецъ.. Бойка—былъ страшнымъ дракономъ, а иногда, если игра требовала этого, львомъ, конемъ, верблюдомъ—чѣмъ угодно. Уголокъ за цвѣтами, заставленный ширмой—пещерой Аладина и т. п.

Наигравшись вдоволь, онѣ вдругъ на любомъ мѣстѣ прерывали свою игру и ложились опять. Опять „спали“, потомъ просыпались со словами.

— Ахъ, какой я страшный сонъ видѣла!..

И принимались рассказывать другъ другу свои „сны“ съ новымъ интересомъ.

Эту игру онѣ очень любили.

— Знаешь, Дуся... говорила какъ-то Таля, когда онѣ сидѣли на балконѣ и смотрѣли на любимое свое озеро.—Когда я жила у тети, если мнѣ ужъ очень грустно становилось—я нарочно думала, что это мнѣ все снится; а вотъ проснусь, и будетъ по другому, все будетъ хорошо...

— Ну вотъ такъ и вышло! отвѣтила Дуся и поцѣловала Талю.

* * *

Такъ шла ихъ жизнь, пока въ одно злосчастное утро ихъ, какъ громомъ поразило письмо отъ Талиной тетки. Тетка писала, что умеръ дядя, и что завтра его хоронятъ, чтобы Таля немедленно пріѣхала.

Николая Петровича не было на дачѣ, да и въ Петербургѣ не было—онъ уѣхалъ на двѣ недѣли по дѣламъ за границу.

М-те Файо посовѣтовалась съ дядей Сережей и оба рѣшили, что надо Талѣ съѣздить на похороны дяди.

— Нельзя же! сказала М-те Файо. Онъ былъ добрый старикъ, и по своему любилъ Таличку,—она должна отдать ему послѣдній долгъ.

Рѣшено было отправить Талю съ Феней. М-те Файо боялась оставить Дусю одну въ отсутствіи отца, а няня была ужъ слишкомъ старенькая. Таля съ Феней должны были пріѣхать къ вечеру на зимнюю квартиру, переночевать тамъ, утромъ отправиться къ теткѣ и въ тотъ же день вернуться обратно.

Для дѣвочекъ эта первая разлука была очень тяжела. Онѣ ходили обнявшись по саду и не могли наговориться. Сначала говорили о „дѣлахъ“: Дуся поручала Талѣ, что захватить съ собою съ ихъ квартиры; Таля наказывала ей какъ ходить за больнымъ цыпленкомъ, котораго она послѣднее время полюбила. Потомъ заговорили о дядѣ. Таля вспоминала, какъ онъ старался ее приласкать, если тетки не было по близости, давалъ ей иногда потихоньку леденецъ... Грустно и страшно было думать о томъ, что его уже больше нѣтъ на свѣтѣ. Гдѣ то онъ теперь?

— Неужели онъ пойдетъ туда же, гдѣ наши мамы?..

Обѣ притихли и смотрѣли на небо. Иначе онѣ не представляли себѣ своихъ матерей, какъ живущими гдѣ-то тамъ, надъ звѣздами, въ безпредѣльной голубой вышинѣ, но мысль, что старенькій, сторбленный, робкій дядя Тали будетъ тамъ-же, смущала ихъ.

Впрочемъ, долго раздумывать имъ не пришлось. Ихъ позвали къ „gouter“; время какъ-то особенно летѣло. Не успѣли и оглянуться, какъ подали лошадь, и пришлось Талѣ одѣваться.

Дуся упросила М-те Файо отпустить ее на вокзалъ, и дядя Сережа поѣхалъ съ ними. На вокзалѣ дѣвочки обнялись и чуть не заплакали, но неловко было плакать при чужихъ.

Дуся только крикнула Талѣ дрожащимъ голосомъ:

— Смотри-же, завтра вернись!

— Завтра, завтра! повторила Таля. Долго еще ея бѣлокурая головка кивала изъ окна вагона, пока можно было видѣть платформу. Поѣздъ скрылся въ дали и у Дуси словно что-то оторвалось отъ сердца.

Но она проглотила слезы и храбро сказала:

— Ничего, вѣдь завтра-же она пріѣдетъ!..

Этотъ вечеръ тянулся для Дуся невыносимо. Слѣдующій день тоже. Скучно было и засыпать, не поболтавъ на прощанье съ Талей; и просыпаться, не слыша ея ласковаго голоса—Таля всегда раньше вскакивала и будила ее:

— Вставай, вставай, у, соня!.. И сдергивала съ нея одѣяло...

Прежде Дуся не такъ замѣчала свое одиночество, но теперь отвыкнувъ отъ него, она чувствовала себя совсѣмъ потерянной. И играть было не съ кѣмъ, и „Дусины“ не занимали.

— Бойка, гдѣ Таля? жалобно спрашивала она: Гдѣ Таля? но Бойка въ отвѣтъ только сочувственно мѣхалъ хвостикомъ и повизгивалъ.

Дуся приставала ко всѣмъ, когда, въ которомъ часу пріѣдетъ Таля? Хотѣла ѣхать встрѣчать ее, но пошелъ дождь, и Дуся оставалось только поджидать. М-ме Файо сказала ей, что Таля будетъ въ 8 часовъ.

Дуся сама накрыла для нея на столикъ, поставила булочки, печенье, молоко, убрала столикъ цвѣтами, положила на тарелку свою любимую ленточку и хорошенькую картинку—и послѣдніе полъ часа не отходила отъ стекла, смотря впередъ—туда гдѣ, видны были ѣхавшіе по дорогѣ со станціи.

Вотъ, вотъ... нѣтъ! Это возъ съ сѣномъ... ахъ, вотъ... Карафашка... но нѣтъ, это почтальонъ... а теперь сосѣди ѣдутъ... о, наконецъ-то ихъ лошадка!.. Но въ экипажѣ сидѣла Феня—одна.

* * *

Послѣ перваго волненія и несвязныхъ разспросовъ, отъ негодующей и заплаканной Фени удалось добиться, что тетка не отпускаетъ Талю обратно.

— Она говоритъ: это мой старикъ начудилъ, онъ дѣвченку барину отдалъ, а я не хочу. Какая мнѣ, говоритъ, польза, что изъ нея барышню сдѣлають? Пускай мнѣ помогаетъ, за дѣтьми смотритъ, все лучше, чѣмъ мнѣ прислугу нанимать—а я теперь, говоритъ, прачешную открою, такъ мнѣ одной не управиться! Разсказывала Феня.

— Ну, это ясно! говорила М-ме Файо: она просто хочетъ заставить заплатить ей за дѣвочку.

Дуся плакала, умоляя вернуть ей Талю.

— Но пойми, дитя, что же мы можемъ подѣлать безъ папы? Онъ вернется черезъ нѣсколько дней и, конечно, все устроитъ.

Всѣ они—и дядя Сережа, и М-ме Файо, отлично знали, что безъ Николая Петровича имъ ничего не удастся подѣлать со вздорной бабой, которая и Фенѣ уже грозила и судомъ, и полиціей, но вмѣстѣ съ тѣмъ, знали также и то, что стоитъ Николаю Петровичу съ ней потолковать, какъ все это уладится,—и были сравнительно спокойны. Дуся же понимала только одно: что ея Тали нѣтъ здѣсь, что она опять во власти безсердечной теткы—и не слушала никакихъ уговоровъ М-ме Файо, а только страстно ждала пріѣзда папы, которому написали за границу, а сама плохо ѣла, плохо спала, и плакала горькими слезами при мысли о томъ, что теперь съ Талей.

* * *

Тѣмъ временемъ Талѣ опять казалось что это дурной сонъ, но увы—когда она просыпалась, все оставалось по прежнему. Сейчас же послѣ похоронъ дяди тетка увезла ее на другую квартиру, такъ что ей даже не видно было милыхъ оконъ Дусиной квартиры, возлѣ которой она все таки чувствовала себя какъ-то ближе къ Дусѣ. Новая квартира была въ подвальномъ этажѣ громаднаго каменнаго дома, во дворѣ, гдѣ даже лѣтомъ не было солнца. Для Тали отвели уголокъ въ кухнѣ, и не успѣли онѣ переѣхать туда, какъ тетка принялась вымещать на ней свое дурное настроеніе духа. Ее возмущало, что дѣвочка хорошо одѣта, „совсѣмъ барышня“—чистенькая, розовая. И она начала безпощадно издѣваться надъ ней:

— Что, принцесса? Пощеголяла въ павлиньихъ перьяхъ, ну и будетъ. Съ чужого коня среди грязи долой!..

Опять Таля надѣла старенькое ситцевое платишко, изъ котораго за это время успѣла вырасти,—прорванный платочекъ замѣнилъ ея шляпу; пальто и платье тетка ворча спрятала въ сундукъ, довольная, что не можетъ одѣть въ нихъ своихъ мальчиковъ.

Но Талѣ было все равно, во что ее одѣли. Она только молча ломала руки и думала о Дусѣ. Слезы потекли изъ ея глазъ. Увидѣвши это, тетка ударила ее... Отвыкшая отъ побоевъ Таля громко заплакала, тутъ тетка прямо пришла въ ярость:

— Ахъ, ты, скверная, неблагодарная дѣвченка! И пальцемъ те-

бя тронуть не смѣй? Ишь, разнѣжили сокровище! Нечего дармоѣдничать, бери-ка тряпку да вымой полъ,—да не реви... а не то я тебя!..

Мальчикъ Петька дернулъ больно Талю за косу и захихикалъ, довольный что мать сердится на Талю. Тетка въ это время улеглась и заснула. Опять очутилась Таля „Золушкой“... Она взяла мокрую тряпку и тяжелое ведро и, согнувъ спину, принялась скрести грязный полъ.

Такъ прошло дня три.

Таля мыла костюли, топила печи, бѣгала въ лавку—а сама все думала и думала. Эта жизнь казалась ей ужасна. Не то было ужасно, что вмѣсто свѣтлыхъ комнатъ былъ подвалъ, вмѣсто „gouter“ чернѣйшій хлѣбъ съ квасомъ и вмѣсто хорошенькаго платья—старенькія лохмотья. Нѣтъ, не это было важно! Вѣдь она со своей мамой жила въ бѣдности, и бѣдность не пугала ея. Но тамъ... тамъ была мама, была мамина ласка! На колѣняхъ у мамы, въ ея объятіяхъ, прижавшись къ ней, Таля чувствовала себя счастливѣе любой царевны. Мамины глаза были ея свѣтомъ, мамины поцѣлуи—ея драгоценностями. Но тутъ—не бѣдность, не голодъ смущали ее, а та злоба, которую она чувствовала въ теткѣ, вѣчные пинки, побои, брань... Старшіе мальчики подражали матери: щипали Талю, бранили, дергали за волосы. Больше не было дяди, который заступался прежде за нее.

Но и это Таля вынесла-бы. Ужаснѣе всего было то, что тетка все время бранила Дусю и дядю Ника, издѣвалась надъ ними и дѣлала это, видя что Талѣ это больнѣе всего.

И у Тали все яснѣе и яснѣе возникала въ мозгу мысль: убѣжать!

— Если я не убѣгу къ нимъ они не найдутъ меня! думала Таля, которой представлялось, что съ переездомъ на новую квартиру—найти ее дядѣ Нику будетъ невозможно, а жить безъ Дуси она не могла!

Надо убѣжать! Но какъ это сдѣлать?

Таля не даромъ прошла суровую школу жизни. Она хорошо знала, что для того, чтобы попасть на дачу—надо ѣхать по желѣзной дорогѣ; для этого нужно купить билетъ... Значить нужны деньги. Гдѣ же ихъ взять? Таля рѣшила попытать счастья. У нея былъ крестикъ на тоненькой золотой цѣпочкѣ—единственное, что осталось отъ мамы... Даже тетка не рѣшилась его отнять у нея. Но теперь Таля хотѣла продать цѣпочку—не крестикъ, а только цѣпочку! Она знала, что за золото дадутъ деньги...

Въ этотъ день тетка послѣ обѣда пошла за бѣльемъ и велѣла ей сидѣть съ дѣтьми. Но старшіе мальчики убѣжали играть съ дворничскими дѣтьми, а младшій заснулъ.

— Сейчасъ! мелькнуло въ головѣ у Тали. Никто не увидитъ! Она накинула свой платочекъ, выскользнула изъ дверей... Мальчики играли въ разбойниковъ и не замѣтили ея. Она прокралась въ ворота—и быстро побѣжала налѣво. Тамъ она давно запримѣтила лавочку часовщика, гдѣ сидѣлъ старикъ съ добродушнымъ лицомъ.

Она вошла къ нему съ бьющимся сердцемъ и пролепетала: Не хотите-ли купить у меня цѣпочку?

Старикъ подозрительно взглянулъ на нее, но синіе глаза смотрѣли на него ясно и открыто:

— Мнѣ очень нужны деньги... Это моя цѣпочка.

— Сколько же ты хочешь за нее?

— Я хочу... сколько дадите, только не меньше чѣмъ рубль тридцать копѣекъ! отважилась сказать Таля, твердо помня, что за билетъ Феня заплатила 1 р. 30 копѣекъ.

Цѣпочка стоила гораздо дороже, и поэтому старикъ рѣшилъ не спрашивать дѣвочку ни о чемъ, а сдѣлать дешевую покупку.

Онъ отсчиталъ ей деньги, а она съ цѣпочки сняла крестикъ, который навѣсила на приготовленный заранѣе шнурочекъ. Потомъ поцѣловала цѣпочку и мысленно попросила у мамы прощенія, что разстается съ цѣпочкой... Потомъ завязала деньги въ носовой платокъ и поблагодаривъ старика—пошла на вокзалъ. По дорогѣ ей казалось, что всѣ подозрительно смотрятъ на нее и думаютъ:

— Куда это торопится эта дѣвочка?

Минутами ей чудилось, что она видитъ тетку, тогда она глубже надвигала на глаза платочекъ, словно это могло спасти ее, и вся дрожа старалась идти въ тѣни.. Она боялась заблудиться, и время отъ времени подходила къ кому нибудь, какой-нибудь старушкѣ-торговкѣ, и робко спрашивала: какъ пройти на Финляндскій вокзалъ.

Проплутавъ съ часъ, она наконецъ нашла вокзалъ и подошла къ кассѣ. Попросила билетъ. Къ ея удивленію когда она положила на окошечко всѣ свои деньги, кассиръ отодвинулъ ей обратно 50 копѣекъ. Это оказалось потому, что Феня брала билетъ 2-го класса, а тутъ она попала въ кассу 3-го.

— А когда идетъ поѣздъ? спросила она.

— Слѣдующій въ 6 часовъ.

У нея еще было полчаса времени. Много! Она рѣшила, что можетъ пойти на уголь въ лавочку и купить себѣ что-нибудь поѣсть: она только теперь почувствовала, что очень голодна отъ ходьбы и отъ волненія.

Не мало бѣгала она въ лавку на своемъ вѣку и цѣну вещамъ знала: теперь она считала себя прямо богачкой — у нея было 50 копѣекъ.

Она купила себѣ бѣлаго хлѣба, колбасы и вишень, — и у нея еще осталось 10 копѣекъ. Когда она выходила изъ лавки, она увидѣла смотрящую въ окна жадными глазами старушку нищую. Нищая кланялась прохожимъ, но никто ничего ей не давалъ — всѣ сердито отмахивались и шли мимо.

У Тали она ничего не просила: могло-ли ей придти въ голову попросить у бѣдно-одѣтой дѣвочки?

Но Таля сама подошла къ ней, и сунула ей стыдливо въ руку свой гривенничекъ. Старушка удивилась и радостно забормотала:

— О, спасибо! Спаси тебя Господи, голубенокъ!

Талѣ вдругъ стало такъ пріятно: „голубенкомъ“ ее всегда звала Дусина няня! Она кивнула старушкѣ и быстро побѣжала на вокзалъ; спросила куда ей сѣсть и забившись въ уголокъ вагона, принялась закусывать. Оставшійся кусокъ хлѣба и вишни она спрятала опять въ мѣшечекъ. Входящіе пассажиры мелькомъ съ равнодушнымъ любопытствомъ взглядывали на дѣтскую фигуру въ платочкѣ, но ей казалось что всѣ только на нее и смотрятъ, и сейчасъ кто-нибудь спроситъ:—А, бѣглянка, что ты тутъ дѣлаешь?

Но вотъ зазвонилъ второй звонокъ, потомъ третій — и поѣздъ тронулся! Тутъ только Таля почувствовала себя въ безопасности. Поѣздъ быстро шелъ мимо дачъ, лѣсовъ, деревень, которыя Таля вспоминала. Вотъ на эту дачу — „Снѣжинку“ — онѣ смотрѣли съ Дусей, когда ѣхали сюда, и старались вообразить, кто на ней живетъ..

Здѣсь онѣ видѣли дѣтей, бѣгавшихъ на гигантскихъ шагахъ.. Сейчасъ тутъ было пусто, потому что сталъ накрапывать дождь. Таля вся дрожала отъ волненія, чувствуя, что каждый поворотъ колесъ приближаетъ ее къ Дусѣ! Когда толстый кондукторъ улыбаясь попросилъ у нея билетъ, она въ свою очередь попросила его сказать ей, когда будетъ ихъ станція, и онъ общалъ ей. По мѣрѣ того, какъ поѣздъ останавливался на станціяхъ, въ вагонѣ становилось все меньше народу. Скоро осталось всего человѣкъ пять.

— Здѣсь вамъ выходить! Услышала замечтавшаяся Таля голосъ кондуктора и вздрогнула. Поѣздъ остановился. Вотъ знакомая станція! Таля вышла на плотформу и остановилась взволнованная, прижавъ руки къ груди.

Теперь только дойти до дачи.. О, это не трудно: сколько разъ онѣ ѣздили здѣсь—она знаетъ дорогу: перейти черезъ рельсы, тамъ—все прямо, прямо по аллеѣ—до послѣдняго поворота—а потомъ налѣво, лѣсомъ—до озера—повернуть направо и видна милая, бѣлая дача, видна какъ на картинѣ!

Таля бодро направилась въ путь. Дождикъ усиливался и темнѣло, но ей казалось что нѣсколько минутъ и она будетъ дома!

Но не тутъ то было. Что было очень скоро въ шарабанѣ; запряженномъ быстрой лошадкой—то оказалось совсѣмъ не легко для дѣтскихъ ножекъ, уже уставшихъ отъ ходьбы по городу до вокзала.

Аллея, казавшаяся такой не длинной—на дѣлѣ вышла какая-то безконечная... Но сначала Таля бодрилась. Она еще не очень устала. И идти было не скучно и не жутко: все время вдоль аллеи тянулись дачи, большія и маленькія, съ палисадниками, въ которыхъ кивали мокрыми головками цвѣты или гримасничали подъ дождемъ терракотовые гномы въ красныхъ колпачкахъ.. Было уже довольно темно, потому что небо заволокли тучи, и на многихъ балконахъ зажгли лампы; за стеклами виднѣлись накрытые чайные столы, казалось такъ уютно и весело...

— Хорошо-бы чайку! подумала Таля, но вмѣсто этого удовольствовалась остатками своей провизіи; закусила, присѣвъ въ будочку у чьихъ-то воротъ,—и подкрѣпившись зашагала дальше.

Дождикъ шелъ уже совсѣмъ сильный, вѣтеръ шелестѣлъ въ листьѣ деревьевъ и свѣжая ночь начинала пробираться Талю.

Но вотъ поворотъ въ лѣсъ. Дачи стали попадаться рѣже; все рѣже мелькали огоньки, все пустыннѣе становилась дорога—и наконецъ пошелъ лѣсъ—безъ признака человѣческаго жилья,—одинъ Божій лѣсъ.

И Талѣ стало жутко..

Обыкновенно онѣ проѣзжали черезъ этотъ лѣсъ днемъ, въ яркую, солнечную погоду—и никогда еще Таля не видѣла его такимъ какъ сейчасъ.—Лѣсъ—въ сумерки, молчаливый, густой лѣсъ—таить въ себѣ что-то торжественное и важное, какъ пустая церковь вечеромъ. Таинственно шумятъ высокія сосны и стройныя ели...

Темныя вѣтви, какъ мохнатыя лапы протягиваются надъ дорогой, вдругъ пересѣкають ее странно свившіеся корни, точно змѣи. Какъ косматыя чудовища, присѣвшія на корточки, темнѣють кусты. Словно чьи-то зеленые глаза блестятъ изъ темноты—это свѣтятся гнилушки, но кто это знаетъ?

Тихо, тихо—жутко... Только шумятъ вершины деревьевъ и шлепаютъ дождикъ по лужамъ...

Вдругъ что-то затопало — близко, близко.. У Тали заколотилось сердце отъ страха.. Но это пробѣжалъ мимо большой заяцъ!..

Иногда срывалась шишка съ дерева и падала, и этотъ звукъ казался страннымъ, необъяснимымъ въ жуткой тишинѣ.

Таля все шла и шла... Дождь лилъ какъ изъ ведра. Она въ своемъ ситцевомъ платьишкѣ промокла до костей и вся дрожала какъ въ лихорадкѣ, тщетно кутаясь въ рванный платочекъ и стараясь дыханіемъ согрѣвать руки. Дорога поднималась въ гору, и дождь размылъ ее, такъ что ножки Тали вязли въ грязи, а проможіе и тяжелые отъ воды башмаки казались пудовыми. Было холодно, страшно; Таля мучительно устала, ей хотѣлось громко заплакать, но она все шла не останавливаясь. Ей казалось, что кто-то страшный и темный молча гонится за ней—и если она только перестанетъ идти впередъ, и сядетъ отдохнуть на какой-нибудь пенъ—то этотъ кто-то схватитъ ее за плечи и больше не выпуститъ; и она почти бѣжала, выбиваясь изъ послѣднихъ силъ, и про себя повторяя:

— Мама, мамочка! Помоги мнѣ!..

А лѣсъ становился все темнѣе, и обступалъ дорогу, и думалось— не будетъ ему конца. Ужасъ взялъ Талю: что, если она не такъ пошла и заблудилась?.. Одна, ночью, въ глухомъ лѣсу... Она судорожно сжала свой крестикъ и быстрѣе побѣжала, хотя ноги подкашивались у нея. Еще минута — и она-бы лишилась послѣднихъ силъ, но вдругъ дорога сдѣлала крутой поворотъ—лѣсъ разступился—сразу посвѣтлѣло—и впереди блеснуло озеро!

Милое, дорогое озеро! Красивое даже и подъ дождемъ!

Вонъ и рыбацкія избы, и лачужка лѣсника. Теперь ужъ значитъ близко! близко!

И Таля вдругъ почувствовала полное изнеможеніе и опустилась на мокрую кучу сложенныхъ дровъ.

Однако, теперь сидѣть было нечего: холодъ быстро поднялъ ее съ мокрыхъ дровъ! Теперь недалеко, но теперь она ужъ не могла

бѣжать: уставшія ножки едва тащились. Надо было пройти деревню.. Деревня спала: окна были темны. Ни души на улицѣ; гдѣ-то позванивали бубенчики коровъ и лѣниво лаяли собаки.

Но здѣсь ужъ было не страшно! Почти дома!..

Только-бы дойти—кажется, легче свалиться у любой избы и пролежать до завтра...

Вотъ и пригорокъ... вотъ и бѣлая дача!..

Таля остановилась опять, задыхаясь.

Внизу окна были еще освѣщены — въ кабинетѣ у дяди Ника.. въ столовой.. значитъ, онъ уже тутъ!.. Ворота были отперты, но двери дома заперты на крюкъ. Каро залаялъ было, но узнавъ дѣвочку пересталъ и ласково визжа прыгалъ вокругъ нея. Она взобра лась на ступени, подошла къ дверямъ и начала стучать въ нихъ, что было силы. Послышались шаги, голоса, за стекломъ двери мелькнулъ свѣтъ — и встревоженный голосъ дяди Ника, показавшійся Талѣ райской музыкой, спросилъ:

— Кто еще тамъ? Что надо?..

— Это я! Таля! Отоприте!..

— Господи!..

Моментально распахнулись двери — и въ одну секунду мокрая, несчастная Таля была въ сильныхъ объятіяхъ дяди Ника, который, не взирая на то, что вода лила съ нея ручьями, прижалъ ее къ себѣ — и цѣловалъ, какъ родную дочку.

— Какъ родную дочку! Съ блаженствомъ подумала Таля и обнявъ его, зарыдала—отъ усталости, отъ волненія, отъ счастья—отъ всего вмѣстѣ.

* *
*

Черезъ минуту онъ внесъ ее наверхъ и отдалъ М-ме Файо:

— Разказы—потомъ, а пока высушите мою мокрую дѣвчурку!.. Я еще приду къ тебѣ.

М-ме Файо еще не ложилась, но уже была въ капотѣ.

Дуся спала—но услышавъ шумъ и голоса проснулась, поняла въ чемъ дѣло, вскрикнула—и какъ безумная бросилась къ Талѣ, босикомъ и въ одной рубашкѣ! Феня схватила ее какъ цыпленка и немедленно водворила опять въ постель, но она требовала свою Талю и успокоилась только тогда, когда кровать Тали придвинули

къ ея кровати вплотную, и она плача и смѣясь смотрѣла, какъ Талю раздѣвали и вытирали.

— Промокла до нитки! Mais c'est de la folie! *) ужасалась добрая старая французенка; растирая Талю мохнатой простыней.

Талю вытерли насухо, потомъ натерли теплымъ укусомъ со спиртомъ, надѣли на нее фланелевую рубашечку, дали хины и напоили горячимъ чаемъ съ малиновымъ вареньемъ и краснымъ виномъ. Ознобъ ея прошелъ, ей стало тепло, и она лежала, чувствуя несказанное блаженство.

Николай Петровичъ пришелъ къ нимъ наверхъ и заставилъ все рассказать ему. Онъ, оказывается, только сегодня пріѣхалъ и собирался завтра-же ѣхать за Талей.

— А ты тутъ какъ тутъ! Молодецъ!

Когда Таля рассказывала, какъ страшно ей было въ лѣсу, Дуся прижалась къ ней и сама дрожала. Она мысленно переживала съ ней все ея бѣгство.. Николай Петровичъ былъ очень радъ, что все такъ благополучно окончилось.

— Но только ужъ отъ насъ-то ты не вздумай убѣжать! Пошутить онъ, уходя и цѣлуя ее на прощанье.

— Дядя Никъ!.. Только и могла съ укоромъ воскликнуть Таля. А Дуся схватила ее за руку и сказала: — Отъ меня она никуда не убѣжить.

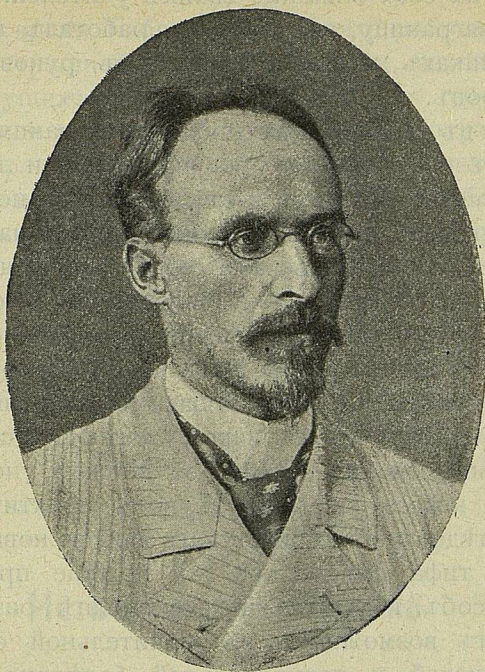
И въ первый разъ за эту недѣлю обѣ заснули сладко и спокойно.

Такъ кончилось бѣгство Тали.

Т. Щепкина-Куперникъ.

*) Но это безуміе!

Г. Н. Габричевскій.

23-го марта текушаго года скончался въ Москвѣ выдающійся ученый и извѣстный общественный дѣятель, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ истиннымъ другомъ дѣтей, который все свои силы, всю свою энергію посвящалъ служенію наукъ, имѣющей своей цѣлью изученіе причинъ, лѣчение и предупрежденіе заразныхъ болѣзней, главнымъ образомъ дѣтскаго возраста. Мы говоримъ о директорѣ бактериологическаго института московскаго университета Георгіи Норбертовичѣ Габричевскомъ. Въ лицѣ покойнаго погибъ глубоко симпатичный человекъ, онъ всегда отличался удивительной скромностью, онъ не зналъ ни честолюбія, ни тѣмъ болѣе тщеславія, поэтому его имя почти неизвѣстно широкой публикѣ, пользующейся благотворными результатами его трудовъ.

Георгій Норбертовичъ Габричевскій окончилъ курсъ медицинскаго факультета московскаго университета въ 1884 г. Еще будучи студентомъ, онъ обнаруживалъ серьезное стремленіе къ занятію нау-

кой и обращалъ на себя вниманіе своихъ учителей. Окончивъ курсъ, онъ отправился за границу, гдѣ усердно работалъ въ германскихъ и парижскихъ клиникахъ и институтахъ подъ руководствомъ выдающихся профессоровъ.

Вернувшись въ Москву, онъ продолжалъ заниматься бактериологіей, т.-е. ученіемъ о причинахъ, предупрежденіи и лѣченіи заразныхъ болѣзней, и въ теченіе многихъ лѣтъ безраздѣльно отдавался любимой наукѣ. Вскорѣ онъ своими многочисленными научными работами въ области бактериологіи завоевалъ себѣ заслуженную извѣстность не только у насъ въ Россіи, но и за границей. Особенно составило ему громкое имя въ наукѣ изслѣдованіе, посвященное вопросу о возвратномъ тифѣ. Наши читатели знаютъ вѣроятно, что возвратный тифъ нерѣдко появляется въ видѣ тяжкихъ эпидемій у насъ въ Россіи, и слышали, быть можетъ, съ какой ужасающей силой эта болѣзнь свирѣпствовала еще совсѣмъ недавно въ Москвѣ, унося сотни жертвъ изъ бѣднѣйшаго класса населенія. И вотъ практическимъ плодомъ упомянутаго изслѣдованія Габричевскаго явился новый способъ лѣченія возвратнаго тифа сывороткой (на подобіе противодифтерійной сыворотки),—способъ, который еще не вполне разработанъ, но который скоро дастъ возможность въ значительной степени облегчить теченіе этой тяжелой и изнурительной болѣзни. Когда въ 1894 г. было опубликовано блестящее открытіе противодифтерійной сыворотки профессоромъ Берингомъ и стали извѣстны благотворные результаты ея примѣненія, Г. Н. Габричевскій, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ первыхъ почти чудодѣйственныхъ эффектовъ сывороточнаго лѣченія дифтеріи, собралъ по подпискѣ небольшую сумму (около 30.000 р.), на которую устроилъ въ Москвѣ лабораторію для приготовленія противодифтерійной сыворотки и снабженія больницъ, общественныхъ учреждений и неимущаго населенія этимъ могущественнымъ лѣчебнымъ средствомъ по доступной цѣнѣ. Сумма эта конечно была слишкомъ ничтожна, и если новое учрежденіе могло не только возникнуть, но и получить широкое развитіе, то этимъ мы прежде всего обязаны неутомимой энергіи Габричевскаго, согрѣваемой горячей любовью какъ къ интересамъ науки, такъ и къ страждущему дѣтскому міру. Въ результатѣ, лабораторія, устроенная для чисто практическихъ цѣлей, для изготовленія противодифтерійной сыворотки, не замедлила превратиться въ обширное научное учрежденіе, въ бактериологическій институтъ, во главѣ котораго покойный стоялъ въ теченіе 12 лѣтъ.

Въ послѣднее время Габричевскій много работалъ по изученію скарлатины, этой страшной дѣтской болѣзни, уносящей въ могилу столь много цвѣтущихъ дѣтскихъ жизней. Его труды увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и ему удалось открыть предохранительную прививку противъ скарлатины, которая, подобно противооспенной прививкѣ, предохраняетъ дѣтей, ею привитыхъ, отъ заболѣванія скарлатиной. Это—крупное открытіе, уже принесшее и приносящее практическіе результаты въ борьбѣ съ бичемъ дѣтскаго возраста, со скарлатиной. Не одна сотня дѣтскихъ жизней уже спасена и не одна тысяча дѣтей будетъ спасена благодаря предохранительной прививкѣ скарлатинной лимфы Габричевскаго, имя котораго на вѣки останется тѣсно связаннымъ съ новымъ, успѣшнымъ способомъ борьбы съ этой ужасной болѣзью.

А. И. Дворецкій.

Четвероногій воришка.

У столяра была маленькая мастерская, въ которой онъ работалъ совершенно одинъ. Для удобства, чтобы не доставать каждый разъ изъ шкафа, онъ привязывалъ къ своему верстаку маленькую бутылочку съ масломъ.

Скоро онъ сталъ замѣчать, что масло исчезаетъ; оставляя вечеромъ полную бутылочку, онъ утромъ находилъ ее пустою. Долго онъ не могъ себѣ представить, кто-бы былъ этотъ ловкій воръ: вѣдь онъ каждый вечеръ самъ тщательно запираетъ дверь!

Наконецъ столяръ нашъ рѣшилъ остаться въ мастерской караулить. Каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ большую крысу проворно взбирающуюся на верстакъ. Возбравшись, она усѣлась поудобнѣе и опустила хвостъ въ бутылочку, обмакнула его, затѣмъ, вытащивъ, слизала приставшее къ нему масло. Она продолжала эти пріемы до тѣхъ поръ, пока въ бутылочкѣ не оставалось ни капли. Поужинавъ такимъ образомъ, крыса преспокойно исчезла въ своей норѣ въ полу.

Отомстили.

Комедія въ одномъ дѣйствіи.

Соч. Н. И. Бронштейна.

Дѣйствующія лица:

Фрейлейнъ Гутманъ—старая гувернантка.

Боря 13 лѣтъ }
Володя 11 лѣтъ } Пронины.

Женя 9½ лѣтъ, ихъ сестра.

Таня 14 лѣтъ }
Зина 12 лѣтъ } двоюродныя сестры Прониныхъ.

Сцена представляетъ большую комнату. На авансценѣ столъ съ письменными принадлежностями. У стѣнъ стоятъ 3 кровати дѣвочекъ. Въ углу, съ лѣвой стороны аккуратно сложены игрушки Жени и Зины: множество куколъ, игрушечная мебель, плита съ кухонной утварью. Налѣво—окно. Противъ зрителей—дверь, направо—другая. Фрейлейнъ Гутманъ сидитъ на креслѣ за столомъ и вяжетъ чулокъ. Въ дверь, что противъ сцены, вбѣгаютъ Боря и Володя. Ихъ визгъ слышенъ еще изъ отдаленныхъ комнатъ. Оба мальчика—въ гимназической формѣ съ книжками въ рукахъ. (Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ на Югѣ Россіи).

СЦЕНА 1-я.

Володя. Вотъ здорово! Насъ сегодня послѣ третьихъ отпустили: нѣмецъ не пришелъ. Онъ, вѣрно, зналъ, что я грамматики не раскрывалъ. А ты отчего это сегодня такъ рано?

Боря. Отпросился у инспектора: сказалъ, что мама больна, и я такъ волнуюсь, что боюсь заболѣть.

Володя. Здорово, вотъ это здорово.

Боря (важно). Вообще, я полагаю, что сегодня не грѣшно врать. Сегодня 1-е апрѣля, и всѣ врутъ. Даже „Каинъ“, нашъ важный „Каинъ“, и тотъ два раза весь классъ надулъ. Вообрази: онъ сказалъ

въ первый разъ, что „Кацапъ“ заболѣлъ, и вмѣсто русскаго будетъ латинскій. У всѣхъ насъ чуть кишки не перевернулись: сегодня латинскаго нѣтъ, книжки ни одной во всемъ классѣ. Мы чуть не очумѣли со страха, а „Каинъ“ хохочетъ: „Первое апрѣля“. А потомъ, на большой переѣмнѣ, передъ самымъ уходомъ нашимъ говоритъ: „Господа! готовьтесь къ экзаменамъ! Новое распоряженіе вышло: опять экзамены вводятся“ *). Многіе повѣрили, но я первый вспомнилъ, что сегодня принято врать. Если взрослые врутъ, то и намъ можно.

Фрейлейнъ. Но ви вротъ кашны тень!

Боря. Каши вамъ въ ротъ, фрейлейнъ.

Фрейлейнъ. Боря! Молшаты! Я буду сказать папѣ.

Володя. Ви нѣ будѣтъ скасать папѣ: онъ уѣхалъ.

Фрейлейнъ. Когда пріѣдетъ, я скашу фсе.

Боря. Забудете. У васъ отъ старости вмѣстѣ съ волосами память вылѣзла.

Фрейлейнъ (въ негодованіи). Злые, кѣтки малшикъ! (Уходитъ).

Володя. Удрала. Здорово!

Боря. Выжили старую вѣдьму (танцуетъ).

Володя. А гдѣ это дѣвченки наши?

Боря. Женя и Зина, вѣроятнo еще въ гимназій. А у Тани репетиторъ! они тутъ (указываетъ на правую дверь) занимаются.

Володя. Чѣмъ бы ихъ угостить сегодня?

Боря. Я и самъ о томъ же думаю. (Осматривая комнату). Надо бы имъ такое первое апрѣля учинить, чтобы онѣ цѣлый годъ помнили. (Изъ сосѣдней комнаты слышится сердитый голосъ репетитора: „Да что это съ вами сегодня? Вы таблицу умноженія позабыли!“)

Боря. Эгэ! да вотъ ихъ куклы и прочія финтифлюшки! Володя, сюда! Ты вѣдь хитеръ на выдумки. Ну-ка: сооруди 1-е апрѣля. (Смѣется).

Володя (напряженно думаетъ). Да-а! Конечно. Здорово, вотъ это такъ здорово.

Боря. Придумалъ? „Повѣдай мнѣ печаль свою“.

Володя. Раздѣнемъ всѣхъ этихъ куколъ и посадимъ ихъ вверхъ ногами на эти стулья и кресла. Наряды ихъ свяжемъ всѣ вмѣстѣ и накроемъ эту компанію. Шляпки въ печку. Всю эту исторію накроемъ сверху платкомъ. А на платкѣ красиво разложимъ цвѣточки.

*) Очевидна шутка „Каина“ оказалась пророческой.

Дѣвчонки сначала не поймутъ, а потомъ—рёвъ подымутъ. То-то смѣху будетъ.

Боря. Ну, братъ, молодецъ Володька! Давай скорѣе за работу. (Начинаютъ сдирать съ куколъ платья и вообще приводить въ исполненіе задуманное).

Боря. А какъ весело было сегодня въ классѣ!.. Разъ, два! (Сдираетъ платье одной изъ куколъ). Мы Геницу сегодня до бѣлаго каленія довели. Я, конечно, отличался. Вымазали стулъ гумми-араби-комъ. Онъ разсѣлся, а мы хохочемъ... Вдругъ встаетъ, чтобы направиться къ доскѣ, а сзади—стулъ! (Смѣются). Едва оторвалъ и сейчасъ къ моей партѣ: „это ты, Пронинъ“, говоритъ, „напроказилъ?“ Я скорчилъ постную физиономію. Все-таки двинулъ меня въ уголъ и грозилъ самому директору пожаловаться. Но я не боюсь „Мотьки“ такъ, какъ онъ его боится.

Володя. Здорово. А я сегодня весьма „знаменитую“ штуkenцію изобрѣлъ. Ты вѣдь знаешь, какъ „Кацапъ“ разсѣянъ. Я подкрался, вытащилъ у него изъ кармана носовой платокъ, насыпалъ въ него таракановъ, которыхъ спеціально для этого казуса два дня собиралъ, и такимъ же манеромъ вложилъ снова въ его карманъ. „Кацапъ“ ни черта не замѣтилъ. Въ концѣ урока вытаскиваетъ платокъ, прямо ко рту, а тутъ (хохочетъ) таракашки облѣпили „Кацапа“ со всѣхъ сторонъ. Умора! Онъ струсилъ, а потомъ разсердился ужасно. „Я говоритъ, увѣренъ, что это Пронинъ сдѣлалъ“. Но доказать не могъ. Сошло. Здорово.

(Голосъ репетитора: „Если вы будете слушать не меня, а то что дѣлается въ сосѣдней комнатѣ, то я брошу заниматься!“)

Боря. А работа у насъ, кажись, подвигается.

Володя. Теперь нужно связать платья. Гдѣ бичевокъ достать?

Боря. А, можетъ быть, и такъ обойдется.

Володя. Стой! Вотъ на столѣ фрейлинъ клубокъ нитокъ остался. Чего же лучше? Здорово.

Боря (беретъ клубокъ вмѣстѣ съ чулкомъ). И чулокъ туда же пойдетъ. Нѣмка-то всегда противъ насъ. Пусть почувствуетъ.

(Привязываютъ одно платье къ другому).

Володя. Готово! Накрывай! Накрываютъ группу куколъ связанными платьями). Вотъ такъ. А теперь тащи платокъ.

Боря (беретъ съ кровати большой платокъ). Вотъ нѣмкино по-

крывало. (Поетъ) „Съ плащемъ въ рукахъ...“ Прикроемъ всю эту музыку. (Накрываютъ).

Володя. Я сейчасъ побѣгу въ садъ нарвать цвѣтовъ. Или давай, пойдемъ вмѣстѣ. Скорѣе будетъ. Боюсь, какъ бы не подоспѣли дѣвчонки. (Слышны голоса Жени и Зины). Идутъ! Бѣжимъ! (Убѣгаютъ и сталкиваются съ входящими Женей и Зиной. Высовываютъ имъ языки и со смѣхомъ убѣгаютъ).

СЦЕНА 2-я.

Женя. Противные, гадкіе, злые!..

Зина. Не обращай на нихъ вниманія, Женичка. Дѣлай видъ, что тебѣ безразличны ихъ выходки. Если мы покажемъ имъ, что насъ огорчаютъ ихъ продѣлки, то они еще больше будутъ къ намъ приставать.

Женя. Завтра праздникъ.

Зина. Какой?

Женя. Воскресеніе. И кто это выдумалъ воскресенія?

Зина. Неужели ты не любишь воскресеній?

Женя. О, нѣтъ, напротивъ. Но я хотѣла бы спросить того, кто выдумалъ воскресеніе, почему этотъ день бываетъ только разъ въ недѣлю?

Зина. Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло?! Неужели ты не знаешь, что этотъ день посвященъ Господу Иисусу Христу, воскресшему на третій день послѣ распятія?

Женя. Ну, значитъ, каждый третій день и должно было бы быть воскресеніе. Почему же празднуемъ мы лишь на седьмой день?

Зина (задумалась). Какъ бы тебѣ это объяснить? (думаетъ). Впрочемъ, ты все равно не поймешь. (Про себя). Въ самомъ дѣлѣ, почему? Спрошу завтра батюшку.

Женя. Уроковъ на завтра готовить не нужно. Посмотримъ, что наши дочурки подѣлываютъ (подходить къ игрушкамъ). Что это значитъ? Кто закрылъ куколъ и всѣ наши игрушки? Здѣсь прибирали, что-ли? (Подымаетъ платокъ. Въ ужасѣ). Ахъ! Зи-и-на, Зиночка! Посмотри, посмотри!

Зина (подбѣгаетъ). Что такое? Чего ты подняла крикъ? Что это? Охъ! Это они! Мерзкіе мальчишки!

Женя (плачетъ). Мою самую лучшую куклу! а-а-а! И другую! а-а-а!

Зина. Что они сдѣлали съ платьями (бросается на кровать лицомъ въ подушку и плачетъ). Все погибло, перепорчено! (Женя громко рыдаетъ. Зина постепенно успокаивается). Не плачь, Женя. (Изъ сосѣднихъ комнатъ доносится смѣхъ мальчиковъ и крики: „это вамъ для перваго апрѣля!“) А, сегодня первое апрѣля! Вотъ почему они удвоили свои пакости... Не плачь, Женя, мы отомстимъ, и отомстимъ такъ, что отобьемъ у нихъ всякую охоту портить намъ вещи. Первое апрѣля! А по какому случаю вы разбили вчера мой музыкальный ящикъ?

СЦЕНА 3-я. Тѣ же и Таня.

Таня. Бѣдныя! Мальчишки опять напроказили. Боже мой! Что они натворили! Я умнѣ васъ и прячу свои игрушки. Сколько разъ я вамъ говорила, что отъ этихъ звѣрей нужно все прятать. Ну, да теперь горю не поможешь. Я всю ихъ затѣю изъ сосѣдней комнаты слышала, но предупредить несчастья не могла: репетиторъ только что ушелъ; онъ не позволилъ мнѣ ни на минуту выйти помѣшать этому злодѣйству. Не плачь, Женя; не огорчайся, Зина. Пусть это печальное происшествіе заставитъ васъ взять съ меня примѣръ и прятать въ комодъ игрушки.

Зина. Мы думаемъ, мы мечтаемъ о мести.

Таня. Слезами-то менѣ всего вы отомстите имъ.

Зина. Какъ же намъ быть?

Таня. Нужно подумать серьезно.

СЦЕНА 4-я. Тѣ же и фрейлейнъ.

Фрейлейнъ. Васъ-исъ-дасъ? Што такой? Шево слезъ?

Женя (плача). Посмотрите, фрейлейнъ.

Фрейлейнъ. Ахъ! Готъ, майнъ Готъ! Это мальшикъ! Гдѣ они?

СЦЕНА 5-я. Тѣ же и мальчики.

Володя. Вотъ и мы! (Смѣется).

Боря. Что, небось, подумали, что подъ платкомъ тортъ?

Зина. Глупо и зло!

Фрейлейнъ. Я фасъ пудетъ запираць фъ тѣмна комнатъ. (Уходитъ, взявъ за руки мальчиковъ. Тѣ притворяются, будто не хотятъ итти). Боря! Володя! Не смѣйть! (Уходятъ).

(Продолженіе слѣдуетъ).

П.МЕТЦГЕРЬ

И Г Р Ы:

Чурки или чижики.

Чурокъ или чижики — это маленькая палочка вершка въ три длиною, заостренная съ обоихъ концовъ. Для игры въ чурки нужна еще палка толщиною пальца въ два и длиною съ аршинъ.

На землѣ чертятъ небольшой кругъ, въ поперечникѣ съ аршинъ, палочку или чурокъ кладутъ въ этотъ кругъ и по одному изъ концовъ этого чурка ударяютъ палкою, отчего чурокъ привскакиваетъ; въ это время стараются ударить по чурку разъ или два, что называется сдвоить и строить. Въ случаѣ прѣмаха, позволяется перебивать до трехъ разъ, но потомъ другой изъ играющихъ смѣняетъ перваго.

Ударенный такимъ образомъ чижики или чурокъ летитъ далеко отъ круга. Одинъ изъ играющихъ, по очереди, беретъ чижики и старается бросить его въ кругъ съ того мѣста, гдѣ онъ упалъ (что называется водить). Если онъ броситъ удачно и попадетъ въ кругъ, то замѣняетъ бившаго, ударяетъ по чижу, а слѣдующій водить.

Бившій по чижу имѣетъ право отбивать его налету палкою въ то время, когда онъ брошенъ въ кругъ, но еще не коснулся земли. Отбитый чижъ вновь бросается въ кругъ тѣмъ, кто водить. Если чижъ въ кругъ не попалъ, то прежній бьетъ снова, но уже не изъ круга, а съ того мѣста, гдѣ чижъ упалъ. Такимъ образомъ продолжаютъ бить и водить всѣ по очереди. Задача этой игры состоитъ въ томъ, чтобы насчитывать какъ можно болѣе ударовъ по чижу въ то время, когда онъ находится на воздухѣ. Считаютъ до условнаго числа—30, 50 или даже до 100, что зависитъ отъ числа играющихъ и отъ ихъ ловкости.

Проигравшимъ считается тотъ, который не успѣлъ насчитать условеннаго числа ударовъ, когда всѣ остальные уже насчитали.

Проигравшему назначаютъ различныя наказанія. Такъ, одинъ изъ игравшихъ, ставши въ кругъ, беретъ чурокъ въ руку за одинъ конецъ и ударяетъ его палкою, отчего чурокъ летитъ впередъ; съ того мѣста, гдѣ онъ упадетъ, другой изъ играющихъ чикаетъ его,

т. е., ударивъ, заставляетъ припрыгнуть; гдѣ онъ упадетъ, его чикаютъ опять впередъ и такъ каждый играющій чикаетъ по разу. Проигравшій же, взявъ чижъ въ руку съ того мѣста, гдѣ чижъ упалъ послѣ послѣдняго чиканья, долженъ или проскакать съ нимъ на одной ногѣ до круга, или пробѣжать до круга и все время тянуть не переводя духа и-и-и.

Когда играютъ четверо, шестеро и болѣе, то играющіе раздѣляются на двѣ партіи. Первая партія становится къ кругу, а вторая въ полѣ, чтобы водить. Бьютъ сначала всѣ изъ первой партіи поочередно, причемъ счетъ ведется общій. Когда всѣ изъ первой партіи выбиты уже изъ круга, они идутъ водить, а вторая партія бьетъ. Когда обѣ партіи пробили, тогда считаютъ, которая изъ партій сдѣлала больше ударовъ. Выигравшая заставляетъ другую носить чурокъ. Каждый изъ играющихъ бьетъ чурокъ прямо съ руки, а каждый изъ проигравшихъ долженъ по разу принести чурокъ въ кругъ.

(И. Гердъ. Сборникъ Игръ).

ЧИЖЪ ВЪ КЛѢТКѢ.

Для этой игры чижа дѣлаютъ вершка въ три длиною и нѣсколько толще, чтобы онъ хорошо прыгалъ. На землѣ чертятъ кругъ аршина въ полтора или два въ поперечникѣ.

Чижа кладутъ по самой срединѣ круга и чикаютъ поочередно. Цѣль игры та, чтобы, ударяя по кончику чижа и не подбивая его налету, заставить его выпрыгнуть изъ круга. Если одному не удалось, то чикаетъ другой, и т. д. Если чижъ выпрыгнулъ изъ круга, то считаютъ, сколько палокъ уложится отъ чижа до середины круга, столько очковъ присчитывается бывшему; кто всѣхъ скорѣе набьетъ условленное число очковъ, тотъ выигралъ игру.

(И. Гердъ. Сборникъ Игръ).

Впередъ!

(7-го мая 1906 г.)

Впередъ!.... За мною, братья!
Мы ринемся въ бой
И разорвемъ цѣпи и оковы
И уничтожимъ рабство,
Унижающее насъ,
И просвѣтимъ тьму,
Окружающую насъ,
И засіяютъ любовь и свобода,
Точно солнце въ яркій полдень мая!....
За мною, братья, впередъ!....

Элли Дворецкая.

(8 лѣтъ 11 мѣс.).

Ну-ка разгадайте.

Загадки:

27. Что, хотя и принадлежитъ вамъ, но другіе употребляютъ чаще васъ?
28. Все слышитъ, но ничего не говоритъ?
29. Слышитъ безъ ушей, говоритъ безъ рта?
30. Если розовая ленточка упадетъ въ черное море,—какая она будетъ?

Редакторъ-издатель *Н. И. Фиделли*.

Продолжается Подписка

на **НОВЫЙ** популярно-образовательный и литературно-художественный иллюстрированный

журналъ для **ДѢТЕЙ** 9—12-лѣтняго возраста,

„ДѢТСКІЙ МІРЪ“

Журналъ ставитъ своей задачей оказывать нравственное вліяніе на зарождающееся сознание молодыхъ читателей и удовлетворять запросы пытливаго дѣтскаго ума о различныхъ явленіяхъ внѣшняго міра.

Въ программу журнала входятъ: повѣсти, рассказы, стихотворенія, популярныя статьи по гигиенѣ, зоологіи, ботаникѣ, физикѣ, химіи, механикѣ (опыты и задачи), біографіи ученыхъ, художниковъ, писателей, общественныхъ дѣятелей; легкія музыкальныя произведенія; шутки, загадки, ребусы и пр.

Журналъ помѣщаетъ повѣсти рассказы, только взятые изъ жизни, и избѣгаетъ страшныхъ сказокъ и всего неестественнаго, что можетъ вредно отзвѣваться на нервной системѣ дѣтей.

Религіозные вопросы журналъ освѣщаетъ преимущественно со стороны точнаго толкованія Евангелія.

Журналъ держитъ дѣтей вдали отъ политическаго движенія страны; на запросы же своихъ читателей отвѣчаетъ, придерживаясь идей всеобщаго равенства.

Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ безъ всякихъ приложеній.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ 3 рубля съ пересылкой, допускается разсрочка по 1 рублю при подпискѣ, 1-го марта и 1-го іюня.

Контора Редакціи: Москва, Мясницкая, 35. Тел. 94-02.

Секретарь Редакціи принимаетъ по понедѣл. и средамъ отъ 1 до 3 ч. дня.

Редакторъ-Издатель Н. И. ФИДЕЛЛИ.

